

*For Elisabeth and Helmut Zusak,
with love and admiration*

PROLOGUE

A mountain range of rubble

*in which our narrator introduces:
himself—the colors—and the book thief*

Death and Chocolate

First the colors.
Then the humans.
That's usually how I see things.
Or at least, how I try.

HERE IS A SMALL FACT
You are going to die.

I am in all truthfulness attempting to be cheerful about this whole topic, though most people find themselves hindered in believing me, no matter my protestations. Please, trust me. I most definitely can be cheerful. I can be amiable. Agreeable. Af-fable. And that's only the A's. Just don't ask me to be nice. Nice has nothing to do with me.

REACTION
TO THE AFOREMENTIONED FACT
Does this worry you?
I urge you—don't be afraid.
I'm nothing if not fair.

— Of course, an introduction.
A beginning.
Where are my manners?

*Элизабет и Хельмуту Зусак
с любовью и восхищением*

ПРОЛОГ

Горный хребет из битого камня

*где наш рассказчик представляет:
себя — краски — и книжную воршишку*

Смерть и шоколад

Сначала краски.
Потом люди.
Так я обычно вижу мир.
Или, по крайней мере, пытаюсь.

ВОТ МАЛЕНЬКИЙ ФАКТ
Когда-нибудь вы умрете.

Ни капли не кривлю душой: я стараюсь подходить к этой теме легко, хотя большинство людей отказывается мне верить, сколько бы я ни возмущался. Прошу вас, поверьте. Я еще как умею быть легким. Умею быть дружелюбным. Доброжелательным. Душевным. И это на одну букву Д. Вот только не просите меня быть милым. Это не ко мне.

РЕАКЦИЯ
НА ВЫШЕПРИВЕДЕННЫЙ ФАКТ
Это вас беспокоит?
Призываю вас — не бойтесь.
Я всего лишь справедлив.

Ах да, представиться.
Для начала.
Где мои манеры?

I could introduce myself properly, but it's not really necessary. You will know me well enough and soon enough, depending on a diverse range of variables. It suffices to say that at some point in time, I will be standing over you, as genially as possible. Your soul will be in my arms. A color will be perched on my shoulder. I will carry you gently away.

At that moment, you will be lying there (I rarely find people standing up). You will be caked in your own body. There might be a discovery; a scream will dribble down the air. The only sound I'll hear after that will be my own breathing, and the sound of the smell, of my footsteps.

The question is, what color will everything be at that moment when I come for you? What will the sky be saying?

Personally, I like a chocolate-colored sky. Dark, dark chocolate. People say it suits me. I do, however, try to enjoy every color I see—the whole spectrum. A billion or so flavors, none of them quite the same, and a sky to slowly suck on. It takes the edge off the stress. It helps me relax.

A SMALL THEORY

People observe the colors of a day only at its beginnings and ends, but to me it's quite clear that a day merges through a multitude of shades and intonations, with each passing moment. A single hour can consist of thousands of different colors. Waxy yellows, cloud-spat blues. Murky darknesses. In my line of work, I make it a point to notice them.

As I've been alluding to, my one saving grace is distraction. It keeps me sane. It helps me cope, considering the length of time I've been performing this job. The trouble is, who could ever replace me? Who could step in while I take a break in your stock-standard resort-style vacation destination, whether it be tropical or of the ski trip variety? The answer, of course, is nobody, which has prompted me to make a conscious, deliberate decision—to make distraction my vacation. Needless to say, I vacation in increments. In colors.

Я мог бы представиться по всем правилам, но ведь в этом нет никакой необходимости. Вы узнаете меня вполне близко и довольно скоро — при всем разнообразии вариантов. Достаточно сказать, что в какой-то день и час я со всем радушием встану над вами. На руках у меня будет ваша душа. На плече у меня будет сидеть какая-нибудь краска. Я осторожно понесу вас прочь.

В эту минуту вы будете где-то лежать (я редко застаю человека на ногах). Тело застынет на вас коркой. Возможно, это случится неожиданно, в воздухе разбрызгается крик. А после этого я услышу только одно — собственное дыхание и звук запаха, звук моих шагов.

Вопрос в том, какими красками будет все раскрашено в ту минуту, когда я приду за вами. О чем будет говорить небо?

Лично я люблю шоколадное. Небо цвета темного-темного шоколада. Говорят, этот цвет мне к лицу. Впрочем, я стараюсь наслаждаться всеми красками, которые вижу, — всем спектром. Миллиард вкусов или около того, и нет двух одинаковых — и небо, которое я медленно впитываю. Все это сглаживает острые края моего времени. Помогает расслабиться.

НЕБОЛЬШАЯ ТЕОРИЯ

Люди замечают краски дня только при его рождении
и угасании, но я отчетливо вижу, что всякий день
с каждой проходящей секундой протекает
сквозь мириады оттенков и интонаций.
Единственный час может состоять из тысяч
разных красок.

Восковатые желтые, синие с облачными плевками.

Грязные сумраки. У меня такая работа,
что я взял за правило их замечать.

На это я и намекаю: меня выручает одно умение — отвлекаться. Это спасает мой разум. И помогает управляться — учитывая, сколь долго я исполняю эту работу. Сможет ли хоть кто-нибудь меня заменить — вот в чем вопрос. Кто займет мое место, пока я провожу отпуск в каком-нибудь из ваших стандартных курортных мест, будь оно пляжной или горнолыжной разновидности? Ответ ясен — никто, и это подвигло меня к сознательному и добровольному решению: отпуском мне будут отвлечения. Нечего и говорить, что это отпуск по кусочкам. Отпуск в красках.

Still, it's possible that you might be asking, why does he even need a vacation? What does he need distraction from?

Which brings me to my next point.

It's the leftover humans.

The survivors.

They're the ones I can't stand to look at, although on many occasions I still fail. I deliberately seek out the colors to keep my mind off them, but now and then, I witness the ones who are left behind, crumbling among the jigsaw puzzle of realization, despair, and surprise. They have punctured hearts. They have beaten lungs.

Which in turn brings me to the subject I am telling you about tonight, or today, or whatever the hour and color. It's the story of one of those perpetual survivors—an expert at being left behind.

It's just a small story really, about, among other things:

— A girl

— Some words

— An accordionist

— Some fanatical Germans

— A Jewish fist fighter

— And quite a lot of thievery

I saw the book thief three times.

Beside the Railway Line

First up is something white.

Of the blinding kind.

Some of you are most likely thinking that white is not really a color and all of that tired sort of nonsense. Well, I'm here to tell you that it is. White is without question a color, and personally, I don't think you want to argue with me.

A REASSURING ANNOUNCEMENT

Please, be calm,
despite that previous threat.

I am all bluster—

I am not violent.

I am not malicious.

I am a result.

И все равно не исключено, что кто-то из вас может спросить: зачем ему вообще нужен отпуск? *От чего* ему нужно отвлекаться?

Это будет второй мой пункт.

Оставшиеся люди.

Выжившие.

Это на них я не могу смотреть, хотя во многих случаях все-таки не удерживаюсь. Я намеренно высматриваю краски, чтобы отвлечь мысли от живых, но время от времени приходится замечать тех, кто остается, — раздавленных, повергнутых среди осколков головоломки осознания, отчаяния и удивления. У них проколоты сердца. Отбиты легкие.

Это, в свою очередь, подводит меня к тому, о чем я вам расскажу нынче вечером — или днем, или каков бы ни был час и цвет. Это будет история об одном из таких вечно остающихся — о знатоке выживания.

Недлинная история, в которой, среди прочего, говорится:

— об одной девочке;

— о разных словах;

— об аккордеонисте;

— о разных фанатичных немцах;

— о еврейском драчуне;

— и о множестве краж.

С книжной воришкой я встречался три раза.

У железной дороги

Сначала возникло что-то белое.

Слепящей разновидности.

Некоторые из вас наверняка верят во всякую тухлую дребедень: например, что белый — толком и не цвет никакой. Так вот, я пришел, чтобы сказать вам, что белый — это цвет. Без всяких сомнений цвет, и лично мне кажется, что спорить со мной вы не захотите.

ОБНАДЕЖИВАЮЩЕЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

Пожалуйста, не волнуйтесь,
пусть я вам только что пригрозил.

Все это хвастовство —

я не свирепый.

Я не злой.

Я — итог.

Yes, it was white.

It felt as though the whole globe was dressed in snow. Like it had pulled it on, the way you pull on a sweater. Next to the train line, footprints were sunken to their shins. Trees wore blankets of ice.

As you might expect, someone had died.

They couldn't just leave him on the ground. For now, it wasn't such a problem, but very soon, the track ahead would be cleared and the train would need to move on. There were two guards.

There was one mother and her daughter.

One corpse.

The mother, the girl, and the corpse remained stubborn and silent. "Well, what else do you want me to do?"

The guards were tall and short. The tall one always spoke first, though he was not in charge. He looked at the smaller, rounder one. The one with the juicy red face.

"Well," was the response, "we can't just leave them like this, can we?"

The tall one was losing patience.

"Why not?"

And the smaller one damn near exploded. He looked up at the tall one's chin and cried, "Spinnst du?! Are you stupid?!"

The abhorrence on his cheeks was growing thicker by the moment. His skin widened. "Come on," he said, traipsing over the snow. "We'll carry all three of them back on if we have to. We'll notify the next stop."

As for me, I had already made the most elementary of mistakes. I can't explain to you the severity of my self-disappointment. Originally, I'd done everything right:

I studied the blinding, white-snow sky who stood at the window of the moving train. I practically inhaled it, but still, I wavered. I buckled—I became interested. In the girl. Curiosity got the better of me, and I resigned myself to stay as long as my schedule allowed, and I watched.

Twenty-three minutes later, when the train was stopped, I climbed out with them. A small soul was in my arms. I stood a little to the right.

The dynamic train guard duo made their way back to the mother, the girl, and the small male corpse. I clearly remember that my breath was loud that day. I'm surprised the guards didn't

Да, все белое.

Мне показалось, что весь земной шар оделся в снег. Натянул его на себя, как натягивают свитер. У железнодорожного полотна — следы ног, утонувших по щиколотку. Деревья под ледяными одеялами.

Как вы могли догадаться, кто-то умер.

И его не могли просто взять и оставить на земле. Пока это еще не такая беда, но скоро путь впереди восстановят, и поезду нужно будет ехать дальше. Там было двое кондукторов.

И мать с дочерью.

Один труп.

Мать, дочь и труп — упрямы и безмолвны.

— Ну чего ты еще от меня хочешь?

Один кондуктор был высокий, другой — низкий. Высокий всегда заговаривал первым, хоть и не был начальником. Теперь он посмотрел на низкого и кругленького второго. У того было мясистое красное лицо.

— Ну, — ответил он, — мы не можем их просто здесь бросить, правильно?

Терпение высокого кончалось.

— Почему нет?

Низкий разозлился как черт. Он уперся взглядом в подбородок высокого:

— Spinnst du? Ты дурной?

Омерзение сгущалось на его щеках. Кожа натянулась.

— Пошли, — сказал он, отступившись в снегу. — Отнесем обратно в вагон всех троих, если придется. Сообщим на следующую станцию.

А я уже совершил самую элементарную ошибку. Не могу передать вам всю степень моего недовольства собой. Сначала я все делал правильно:

Изучил слепящее снежно-белое небо — оно стояло у окна движущегося вагона. Я прямо-таки *вдыхал* его, но все равно дал слабину. Я дрогнул — мне стало интересно. Девочка. Любопытство взяло верх, и я разрешил себе задержаться, насколько позволит мое расписание, — и понаблюдать.

Через двадцать три минуты, когда поезд остановился, я вылез из вагона за ними. У меня на руках лежала маленькая душа. Я стоял чуть справа от них.

Энергичный дуэт кондукторов направился обратно к матери, девочке и трупику мужского пола. Точно помню, в тот день дышал я шумно. Удивляюсь, как кондукторы меня

notice me as they walked by. The world was sagging now, under the weight of all that snow.

Perhaps ten meters to my left, the pale, empty-stomached girl was standing, frost-stricken.

Her mouth jittered.

Her cold arms were folded.

Tears were frozen to the book thief's face.

The Eclipse

Next is a signature black, to show the poles of my versatility, if you like. It was the darkest moment before the dawn.

This time, I had come for a man of perhaps twenty-four years of age. It was a beautiful thing in some ways. The plane was still coughing. Smoke was leaking from both its lungs.

When it crashed, three deep gashes were made in the earth. Its wings were now sawn-off arms. No more flapping. Not for this metallic little bird.

SOME OTHER SMALL FACTS
 Sometimes I arrive too early.
 I rush,
 and some people cling
 longer to life than expected.

After a small collection of minutes, the smoke exhausted itself. There was nothing left to give.

A boy arrived first, with cluttered breath and what appeared to be a toolbox. With great trepidation, he approached the cockpit and watched the pilot, gauging if he was alive, at which point, he still was. The book thief arrived perhaps thirty seconds later.

Years had passed, but I recognized her.
 She was panting.

* * *

From the toolbox, the boy took out, of all things, a teddy bear.

He reached in through the torn windshield and placed it on the pilot's chest. The smiling bear sat huddled among the

не услышали. Мир уже провисал под тяжестью всего этого снега.

Метрах в десяти слева от меня стояла и мерзла бледная девочка с пустым животом.

У нее дрожали губы.

Она сложила на груди озябшие руки.

А на лице книжной воришки замерзли слезы.

Затмение

Следующий — черный закорючки, чтобы показать, если угодно, полюса моей многогранности. Был самый мрачный миг перед рассветом.

В этот раз я пришел за мужчиной лет двадцати четырех от роду. В каком-то смысле это было прекрасно. Самолет еще кашлял. Из обоих его легких сочился дым.

Разбиваясь, он взрезал землю тремя глубокими бороздами. Крылья были теперь словно отпиленные руки. Больше не взмахнут. Эта маленькая железная птица больше не полетит.

ЕЩЕ НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ

Иногда я прихожу раньше времени.

Я тороплюсь,

а иные люди цепляются

за жизнь дольше, чем ожидается.

Совсем немного минут — и дым иссяк. Больше нечего отдавать.

Первым явился мальчик: сбивчивое дыхание, в руке — вроде бы чемоданчик с инструментами. Ужасно волнуясь, подошел к кабине и взгляделся в летчика — жив ли; тот еще был жив. Книжная воришка прибежала где-то через полминуты.

Прошли годы, но я узнал ее.

Она тяжело дышала.

* * *

Мальчик вынул из чемоданчика — что бы вы думали? — плюшевого мишку.

Просунув руку сквозь разбитое стекло, он положил мишку летчику на грудь. Улыбающийся медведь сидел, на-

crowded wreckage of the man and the blood. A few minutes later, I took my chance. The time was right.

I walked in, loosened his soul, and carried it gently away.

All that was left was the body, the dwindling smell of smoke, and the smiling teddy bear.

As the crowd arrived in full, things, of course, had changed. The horizon was beginning to charcoal. What was left of the blackness above was nothing now but a scribble, and disappearing fast.

The man, in comparison, was the color of bone. Skeleton-colored skin. A ruffled uniform. His eyes were cold and brown—like coffee stains—and the last scrawl from above formed what, to me, appeared an odd, yet familiar, shape. A signature.

The crowd did what crowds do.

As I made my way through, each person stood and played with the quietness of it. It was a small concoction of disjointed hand movements, muffled sentences, and mute, self-conscious turns.

When I glanced back at the plane, the pilot's open mouth appeared to be smiling. A final dirty joke. Another human punch line.

He remained shrouded in his uniform as the graying light arm-wrestled the sky. As with many of the others, when I began my journey away, there seemed a quick shadow again, a final moment of eclipse—the recognition of another soul gone.

You see, to me, for just a moment, despite all of the colors that touch and grapple with what I see in this world, I will often catch an eclipse when a human dies.

I've seen millions of them.

I've seen more eclipses than I care to remember.

The Flag

The last time I saw her was red. The sky was like soup, boiling and stirring. In some places, it was burned. There were black crumbs, and pepper, streaked across the redness.

Earlier, kids had been playing hopscotch there, on the street that looked like oil-stained pages. When I arrived, I could still

хохлившись, в куче обломков человека и луже крови. Еще через несколько минут рискнул и я. Время пришло.

Я подошел, высвободил душу и бережно вынес из самолета.

Осталось лишь тело, тающий запах дыма и плюшевый медведь с улыбкой.

Когда собралась толпа, все, конечно, изменилось. Горизонт начал угольно сереть. От черноты вверху остались одни каракули — и те быстро исчезали.

Человек в сравнении с небом стал цвета кости. Кожа скелетного оттенка. Мягкий комбинезон. Глаза у него были холодные и бурые, как пятна кофе, а наверху последняя загогулина превратилась во что-то для меня странное, однако узнаваемое. В закорючку.

Толпа занималась тем, чем занимается толпа.

Пока я пробирался в ней, каждый, кто стоял там, как-то подыгрывал этой тишине. Легкое сгущение несвязных движений рук, приглушенных фраз, безмолвных беспокойных оглядок.

Когда я обернулся на самолет, мне показалось, что летчик улыбается открытым ртом. Грязная шутка под занавес. Еще одна человеческая острота.

Человек лежал в пеленах комбинезона, а сереющий свет мерялся силой с небом. И как бывало уже много раз, стоило мне двинуться прочь, быстрая тень словно бы набежала опять — последний миг затмения, признание того, что еще одна душа отлетела.

Знаете, в какой-то миг, несмотря на краски, что ложатся и цепляются на все, что я вижу в мире, я часто ловлю затмение, когда умирает человек.

Я видел миллионы затмений.

Я видел их столько, что лучше уж и не помнить.

Флаг

Последний раз, когда я видел ее, был красным. Небо напминало похлебку, размешанную и кипящую. В некоторых местах оно пригорело. В красноте мелькали черные крошки и катышки перца.

Раньше дети играли тут в классики — на улице, похожей на страницы в жирных пятнах. Когда я прибыл, еще слыша-